
ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.37
УДК 159.922
ББК 8.5

А.Д. КАРНЫШЕВ

ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РЕСУРСОВ БАЙКАЛА В ГЕОПОЛИТИКЕ КИТАЯ И РОССИИ*

В геополитике к понятиям география и территория сводятся основополагающие аспекты отношения между государствами, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования. Именно в таком ракурсе в статье рассматривается отношение к Байкалу в истории взаимоувязанной внешней политики России и Китая. Отмечается, что монголы и маньчжуры, в свое время завоевавшие Китай, не только оказались в значительной степени ассимилированными побежденным обществом, но и со временем немалая часть их родовых территорий стали восприниматься как исконно китайская. Далеко не обоснованно это относилось и к Байкалу, хотя с давних времен явно прослеживается якутская этимология его названия, связанная с этническими предками якутов — гуннами. С давних же пор вокруг Байкала проживали буряты и эвенки, добровольно вошедшие в состав России. Для современного развития характерно «проникновение» китайцев в бизнес азиатской России. В Байкальском регионе эта направленность имеет в основном три цели: лес, чистая вода и ответственность на земельные и иные природные ресурсы. В особый ряд надо поставить проекты снабжения населения некоторых китайских территорий байкальской водой, которую планируется переправлять как в бутилированном виде, так и в перспективе через трубы.

Ключевые слова: федеральные территории, этноцентризм, национальный менталитет, якуты, монголы, маньчжуры, буряты, эвенки в их связи с Байкалом, пять «приманок» экономической мотивации.

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)» (2018–2020 гг.)

A. D. KARNYSHEV

PSYCHOLOGO-ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL ASSESSMENT BAIKAL RESOURCES IN THE GEOPOLITICS OF CHINA AND RUSSIA

In geopolitics, the concepts of geography and territory are reduced to the fundamental aspects of relations between States, they serve as a basic method of interpreting the past, they act as the main factors of human existence, organizing all other aspects of existence around them. It is in this perspective that the article examines the attitude to Baikal in the history of the mutually linked foreign policy of Russia and China. It is noted that the Mongols and Manchus, who once conquered China, not only found themselves largely assimilated by the defeated society, but over time, a large part of their ancestral territories began to be perceived as native Chinese. Far from being justified, this also applied to Baikal, although the Yakut etymology of its name, associated with the ethnic ancestors of the Yakuts — the Huns, has been clearly traced since ancient times. Since ancient times, Buryats and Evenks who voluntarily became part of Russia have lived around Baikal. Modern development is characterized by the “penetration” of the Chinese into the business of Asian Russia. In the Baikal region, this focus has basically three goals: forest, clean water, and ownership of land and other natural resources. In a special row, it is necessary to put projects for supplying the population of some Chinese territories with Baikal water, which is planned to be transported both in bottled form and in the future through pipes.

Keywords: Federal territories, ethnocentrism, national mentality, Yakuts, Mongols, Manchus, Buryats, Evenks in their connection with Baikal, five “lures” of economic motivation.

Геополитика обычно рассматривается в качестве концепции, в которой важная роль в политике государства принадлежит географическим факторам — положению страны и ее регионов, ее природным ресурсам, климату и т. д. При этом геополитику подразделяют на внутреннюю и внешнюю [3]. Причем, внутренняя геополитика порой может быть достаточно непредсказуемой. К примеру, по Указу Президента РФ о включение Бурятии и Забайкальского края в состав Дальне-Восточного федерального округа, вышедшему осенью 2018 г., стало неопределенным понятие Восточной Сибири, а граница Дальнего Востока стала проходить заметно западнее от Иркутска — Тункинский и Окинский районы Бурятии. Федеральный центр готов манипулировать и другими политико-географическими факторами. Так, при обсуждении поправок в Конституцию РФ было предложено внести в основной закон понятие «федеральных территорий», требующих особого управления из федерального центра. На поправку сразу же среагировала спикер Совета Федерации

В. Матвиенко, посчитав, что в список таких территорий необходимо будет включить и озеро Байкал. Какие географические «маркеры» будут использоваться, если возникнет соответствующая ситуация — неясно, но вряд ли такое решение пойдет на пользу местным жителям. Негативный пример конфронтации населения острова Ольхон с администрацией Прибайкальского национального парка — федеральной структурой — уже имеется.

Но в данной статье нас больше интересует отношение к Байкалу в истории взаимоувязанной внешней политики России и Китая. Давая пояснения к термину «геополитика» в Википедии, известный русский философ А. Дугин отметил, что она (геополитика) основана на тезисе: «географический рельеф как судьба». В ней к географии и территории сводятся «все основополагающие аспекты человеческого существования, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования». В китайском менталитете данное явление в несколько измененном варианте получает особое звучание в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, вся мировая география рассматривается с точки зрения этноцентризма. Известный американский ученый и политик, отличный знаток этой страны Г. Киссинджер хорошо описал эти геополитические претензии имперского Китая. «Китай сотворил собственную, иерархическую и теоретически универсальную, концепцию порядка — с собой в центре... В китайской концепции понятие суверенитета в европейском понимании отсутствовало», поскольку император «воспринимался как фигура космических масштабов», он властвовал над «всею Поднебесной», был единственной «высшей точкой» человеческой иерархии [7, с. 10–11, 287, 244]. «Поднебесная» для всех китайцев выступала глобальным географическим и политическим понятием с императором в центре, а все остальные территории и страны были лишь ее провинцией.

Во-вторых, соответствующие взгляды пронизывали всю социальную иерархию самих жителей «Поднебесной», причем, чем ниже был гражданский статус человека, тем ревностней и ретивей он защищал и проповедовал эту догму. Психологически получалось, что геополитика располагалась в сознании и подсознании каждого человека, побуждая к защите главной идеи «Поднебесной». Именно с таких позиций надо смотреть на факты, когда гиды китайского туристического агентства Cassia рассказывают китайским туристам, что озеро Байкал было частью Китая в период правления династий Тан и Цин. В качестве аргументов у гидов выступают не только старые карты, но и само название Байкала, которое по-китайски звучит Бей-Хай или Пе-Хей и означает «Северное море». Что касается давних карт любой империи, то на них обычно ука-

зывались даже те ничейные земли, на которых побывал и об этом сумел рассказать хотя бы один верноподданный императора данной страны. Так что подданный Поднебесной, или их группа, во время охоты прошедшие пешком по сибирской тайге многие километры и не встретившие из-за малочисленности населения здесь других обитателей, вполне могли приписать эти земли родной империи. Карты тех лет чаще демонстрировали не *владение* приграничными и отдаленными территориями, а их *знание по опыту отдельных граждан*, или даже просто осведомленность о них.

Специфичность в восприятие данной проблемы вносит и обстоятельство, что «чистокровным» Китаем немалое время владели или управляли маньчжурские и монгольские племена, а эти «аборигены», несомненно, лучше, чем китайцы, знали озеро Байкал. И отношение монголов и маньчжуров к «священному морю» в таких случаях можно было подавать за китайское. Кстати, правящая Китаем династия Цин, которая существовала с XVII вплоть до начала XX в. и участвовала в установлении границ между Китаем и Россией, была маньчжурской. Интересное подтверждение данным тенденциям можно встретить у Г. Киссинджера: «два народа, которые завоевали Китай — монголы в тринадцатом веке и маньчжуры в семнадцатом, — вынуждены были принять основы китайской культуры, чтобы им стало проще управлять столь многочисленным населением, искренне убежденным в своем культурном превосходстве. Завоеватели в итоге оказались в значительной степени ассимилированы побежденным обществом, причем *со временем немалые части их родовых территорий стали восприниматься как исконно китайские*» [7, с. 290; курсив мой А.К.].

Исходя из приведенных фактов родства с представителями прибайкальских аборигенов, Китай не мог не делать попыток реально завладеть Байкалом, когда в мире начали успешно закреплять суверенитеты и рубежи государств в юридических документах. Когда в 1726 г. китайские и российские дипломаты в Пекине длительное время решали вопрос о границе между двумя странами, китайцы стремились вынудить посла С. Рагузинского уступить как можно больше территорий. Историк и генерал В. Андриевич в книге «Краткий очерк истории Забайкалья» так описывал некоторые «приемы» представителей Китая: «На требования китайских уполномоченных об установлении границей р. Ангары посол не мог согласиться и остался непреклонен, несмотря на угрозы и даже на лишения, которым его подвергали; ему и свите давали пить соленую воду» [1, с. 162]. После бурных переговоров и конференции на реке Буре близ Кяхты в августе 1727 года состоялся Буринский договор, согласно которому Китай прекратил любые претензии на владение землями около Байкала.

На самом деле Китай уже во времена, предшествующие Буринскому договору, ни в коем случае не мог претендовать на земли, исконно принадлежащие бурятам. Приведем значимый факт. В 1702–1703 гг. состоялась дипломатическая миссия хори-бурят к царю Петру с жалобой на русских казаков и служилых людей, которые начали захватывать «породные» — принадлежащие предкам бурят земли. 22 марта 1703 г. Петр Великий издал грамоту-указ по восстановлению справедливости. Среди земель, с которых царь потребовал в Указе уйти русским людям были угодья «по Итанце подле Байкала моря», «по правую же сторону реки Селенги Кударинская степь» [14, с. 148–151]. Шире стоит отметить, что при установлении государственной границы между двумя странами, Китаем и Россией, водоразделом между двумя державами пролегли наряду с другими территориями и рубежи земель хори-бурят, указанные в Грамоте-указе царя Петра I.

К рассмотренным претензиям китайцев к Байкалу на основе их межэтнических взаимодействий можно добавить более древние факты. Из истории известно, что войны с хуннами (сюнну в китайской транскрипции, гунны — в европейской) — прямыми предками маньчжуров, которые велись в первые тысячелетия новой эры, связывали китайцев с жителями прибайкальских земель. Государственный союз, созданный хунну, занимал пространство на востоке от Хингана до Тянь-Шаня на западе, и от Байкала и Саян на севере до Ордоса на юге. О противостоянии двух народов и их последствиях есть немало преданий. Например, в «Жизнеописании Су У» рассказывается о том, как этот полководец, попав в плен к гуннам, провел у них без малого двадцать лет. Когда, наконец, был заключен мир и ко двору гуннского хана приехал посол, он узнал о Су У и спас его с помощью хитрости. Посол сказал хану, что китайский император якобы подстрелил на охоте перелетного гуся, прилетевшего с севера. К его лапке было привязано написанное на шелку письмо, поведавшее о том, что Су У с товарищами жив и находится на отдаленном озере. Хану ничего не оставалось, как отпустить пленников. В связи с этим китайцы говорят о прибайкальских землях как о «пастбищах Су У». Когда Мао Дзе Дун в 1949 г. ехал в Москву по железной дороге, на станции вблизи Байкала в упомянутых местах он вспомнил это название. К комментарию данной информации стоит добавить следующее. Сегодня в пригороде г. Улан-Удэ ведется восстановление города гуннов, существовавшего на «стыке» старой и новой эры, минимум два тысячелетия назад. От этого города можно было плыть по течению реки Селенги к Байкалу, и расстояние — около 100 км. У Байкала по правому берегу Селенги находилась достаточно обширная степь (она в основном затоплена морскими водами и заливом Провал в 1862 г.), на которой китайский пленник Су У мог пасти гуннские стада скота. Но

такое «пастушество», если оно даже было, наоборот, отрицает возможность принадлежности Байкала китайцам.

Сегодня часто звучат предположения о китайском происхождении слова Байкал. Но эта версия, если заглянуть в историю, не столь давнего происхождения. Н. Спафарий, побывавший во время миссии в Китай на Байкале в 1675 г., ничего не пишет о китайском происхождении его имени. Он отмечает, что иноземцы — и мунгальцы, и тунгусы, и иные — называют все Байкальское море своим языком Далай. «И имя того Байкала видится что не русское, а называли его тем именем по имени некотором иноземца, который жил в тех местах» [12, с. 86]. Одним из первых сделал попытку связать имя Байкала с китайскими словами польский исследователь В. Серошевский. Он, в частности, пишет, что известность китайцам земель вокруг Байкала — северного моря (Бэй-Хай, Бай-Хай, Пе-хай) наблюдается уже во времена династии Тан в VII столетии новой эры. Причем эти места служили для ссылки важных придворных лиц [11, с. 190]. Близкую к этой китайскую версию о происхождении названия Байкала можно найти в интернете. В связи с ее актуальностью сделаем полную цитату: «Китайцы в древних хрониках именовали озеро «Ханьхай» или Бэйхай» — «северное море». В китайские хроники сведения о Северном море попали из сообщений китайских послов, которых хунну ссылали на Байкал. Позднее название озера вошло в китайские географические труды в виде «Бэйцзяэрху», где «бей» означает «раковина, богатство, сокровище, драгоценность», «цзя» — прибавлять, увеличивать, превышать», «эр» — суффикс, «хо» — озеро. В целом китайское *Бэйцзяэрху* в переводе означает «озеро, приумножающее богатство» или «озеро, увеличивающее (число) раковин» (последнее связано с тем, что раковины в Китае в древности высоко ценились и выступали в качестве денежных единиц)».

Если комментировать данную постановку вопроса, то надо иметь в виду, как минимум, три обстоятельства. Во-первых, для древних китайцев, живущих в теплом климате, северными «морями» могли быть все достаточно обширные водные территории, *покрывающиеся на определенное время льдами*. Тогда, с одной стороны, в ссылку вельмож (послов), конечно, могли направлять по Селенге и ее монгольским, близким к Китаю, притокам. Но, с другой стороны, такое же «путешествие» с не меньшим (если не с большим) успехом можно было осуществлять по рекам юго-востока Китая, затем по маньчжурским землям и Амуру; тогда «северным», *более впечатляющим*, становилось для древних китайцев нынешнее Охотское море, близ устья Амура у острова Сахалин в зимнее время покрывающееся льдами. Кстати, как отмечает известный специалист по народной топонимике Э. Мурзаев, название Охотского

моря у эвенков звучит как Ламы *бајагала*. «Слово *ламу* часто встречается в донесениях русских землепроходцев, под которым понимаются тихоокеанские и ледовитые моря, Байкал и даже реки Лена и Амур» [9, с. 335]. Во-вторых, в пользу «Северного» — Охотского моря свидетельствует факт, что раковины на Байкале, как в пресноводном озере, небольшие, невзрачные и хрупкие, не как в соленых морях, и их сложно было использовать в виде денег [5].

Притязания на китайское происхождения названия Байкала предполагают необходимость анализа других источников. Из-за распространенности слова в этноязыке и легенд об «исходе» народа саха (якутов) от Байкала на север, в современные места обитания, в первую очередь, отметим якутскую этимологию, которая, как считал на основе старых литературных источников Г. Миллер, связана с этническими предками якутов — гуннами: «периферия гуннского субстрата», и одним из мест расселения которых в первом тысячелетии новой эры была восточная сторона Байкала [8, с. 472–473]. Тот же В. Серошевский в книге «Якуты», изданной в Петербурге в конце XIX в., пишет, что у якутов имя Байгал означает, прежде всего, «полярное море», куда течет река Лена; они иногда прибавляют к нему эпитет «муустаах» или «бус», т.е. ледяной. Имеется в якутском языке сочетание Байгал ырахтагы — морской царь. У Серошевского встречается интригующая и в то же время дискуссионная мысль: он отмечает, что в книге Санан-Сецена об оригинальной истории Монголии, в главе о мифических сказаниях назвал «озеро это «большою водою Байгала», омывающей гору Бурхан-Халдун (могилу Чингисхана)» [11, с. 190, 192]. Э. Мурзаев так же приводит якутскую трактовку: Байягал, Баягал — море, океан, обилие воды и увязывает с этим понятием эвенкийское *байга* — море [9, с. 66].

Непосредственно в Пекине сегодня существует естественное или рукотворное в далеком прошлом озеро, которое называется Бей-хай, и на котором есть остров. Нередко его существование демонстрируют в связи с сибирским морем. Может, в ностальгии по родине предков его построил внук Чингисхана — Хубилай, ставший в завоеванном Китае императором? Но также связь может быть с обоими вариантами (остров Ольхон на Байкале и остров Сахалин в Охотском море), и доказать сегодня верность только одного из них достаточно сложно. Не трудно понять, что информация об обоих вариантах не может нравиться современным патриотически-настроенным гражданам Поднебесной, которые не прочь говорить о соответствующей принадлежности и Байкала, и Охотского моря, и тихоокеанского Приморья в давние времена. На наш взгляд, о знании Байкала в те времена народами-соседями спорить не приходится, но вот о возможности его принадлежности древнему Китаю говорить безосновательно.

Для современного развития характерно «проникновение» китайцев в бизнес азиатской России. В Байкальском регионе эта направленность имеет в основном три цели: лес, чистая вода и собственность на земельные и иные ресурсы. В особый ряд надо поставить проекты снабжения населения некоторых китайских территорий байкальской водой, которую планируется переправлять как в бутилированном виде, так и в перспективе через трубы. Есть план с китайской стороны построить трубопровод длиной свыше тысячи километров от Култука через территорию Монголии, пустыню Гоби до города Ланьчжоу. Но пока реальных подвижек нет, вместе с тем Иркутский суд остановил строительство в Култуке китайского завода по разливу бутилированной воды. Хотя на Камчатке подобные проекты начинают реализовываться: воду вывозят в Китай танкерами. Проблема нехватки воды связана в Китае с экологическими издержками. Всего лишь несколько фактов. 1. В Китае в доступных источниках вода часто загрязнена — только в Янцзы, длиннейшую реку Азии, Китай сливает миллиарды тонн неочищенных сточных вод. Поэтому половина населения страны — от 600 до 700 млн. человек пьет воду, содержащую отходы животной и человеческой жизнедеятельности. 2. В 2008 г. Китай выпил более 19,5 млрд. литров бутилированной воды и к настоящему моменту стал, безусловно, самым быстрорастущим рынком бутилированной питьевой воды в мире; при этом в Китае выпивают только половину среднемировой подушной нормы в 30 литров, заметно отставая от США (без малого 108 литров) и лидера — Мексики (224 л.) [4, с. 214–215]. 3. Нельзя также не отметить, что в Китае встает нехватка воды для сельскохозяйственных работ. Например, водоносные горизонты, питающие пшеничные поля на севере Китая, опускаются на три метра в год, вынуждая крестьян бурить скважины до 300 метров глубиной. И это притом, что 85 % возделываемых земель северного Китая нуждается в орошении (если сравнить с США — там лишь 10 %). 4. В то же время из-за понижающегося уровня грунтовых вод под около 96 китайскими городами катастрофически проседает земля, заметно расширяется пустыня Гоби. В скором времени, как говорят компетентные лица, в стране появятся более 150 миллионов экологических мигрантов, многие из которых могут ринуться в русскую Сибирь в поисках пахотных земель». По данным российских государственных организаций, из семимиллионного населения Сибири уже сегодня 350 000 — китайцы, причем многие из них находятся в России незаконно» [4, с. 210–219]. Комментарии к такого рода фактам вряд ли нужны.

Потребности в лесе в строительной и мебельной индустрии в экономически модернизирующихся государствах так же возрастают значительными темпами. Для Китая данное обстоятельство опять-таки дополняется экологическими причинами, только иного ракурса.

Участники дискуссии «Планета Земля: будущее» отмечают в этом плане: «...Китай не только больше не теряет лесных массивов, но постепенно приобретает новые. С другой стороны, китайцы с готовностью вырубают леса в других странах, так что там дикая природа страдает из-за китайской политики охраны леса» [10, с. 103]. Если учитывать страны и территории, где ради китайской экономики «выстригаются» лесные массивы, то можно понять, насколько последний момент актуален для Байкальского региона.

Экономические баталии с «южными соседями» уже проходят и несомненно будут усугубляться и по вопросам собственности. Так, в обращении жителей прибайкальского села Листвянка в Иркутской области к властям в 2017 г. обращалось внимание на то, что около 10 % поселковой земли принадлежит китайцам. Весь поселок обклеен объявлениями на корейском и китайском языках о распродаже мускуса и других природных даров. У людей возникает мнение, что кто-то в Пекине стремится превратить Байкальский регион в китайскую провинцию. Об этом косвенным образом свидетельствуют скупка участков земли, строительство национальных отелей, отправка получаемых доходов в китайские банки — все эти факты свидетельствуют о начавшейся экспансии. Теряющая население и экономически ослабевшая в постсоветский период Восточная Сибирь все больше становится уязвимой перед последовательной и скрытной (?) китайской иммиграцией.

Китайские бизнесмены покупают турбазы и земельные участки в уникальных местах Прибайкалья и Забайкалья и создают там китайскую туристическую инфраструктуру, обслуживающую «своих» путешественников. Создаются совместные предприятия (СП) такого рода. Факты такого рода вызывают неоднозначную реакцию у местных жителей. Кто-то посчитал, что любые деньги для региона благо, кто-то всемерно против «продажи Байкала» иностранцам. Главная причина таких мнений — проявляющийся в данных случаях феномен китайского экономического патриотизма. Механизм развития этого феномена, например, в туризме включал в себя следующие составляющие:

- после кризиса 2014 г. и значительного снижения курса рубля по отношению к разным валютам произошло падение цен туров в Россию в два раза, и они стали доступными для среднего китайского гражданина;
- китайский турист чаще всего является «коллективным», т.е. приезжает в группах, а для групп существуют значительные льготы в транспорте, размещении и обслуживании, не говоря уже о безвизовом прибытии в страну;
- китайского туриста в России обслуживают в основном китайские фирмы, а последние могут дешевле нанимать транспорт, массо-

во скупать места в российских гостиницах еще в начале сезона, организовывать питание соотечественников в ресторанах и кафе «китайского бизнеса»;

- идеологические и экономические противостояния России с европейскими странами, американцами и канадцами значительно сократили потоки туристов из данных стран, и эту ситуацию надо было чем-то компенсировать; российские власти разных уровней полюбили цифры, которые показывают устойчивый приток туристов: доходы от этого бизнеса должны оживлять местную экономику.

В результате региональные бюджеты Иркутской области и Бурятии получают «крохи», а имиджу и экологии Байкала наносится существенный урон. В социально-экономическом плане негатив в организации такого туризма сказывается, прежде всего, в резком росте экологической нагрузки на байкальские территории. Между тем, из примерно 120 тыс. иностранных туристов, посетивших Иркутскую область в 2016 г. — одну треть составляют китайцы. «Свои» гостиницы и их соответствующий персонал усилят китайский протекционизм на российской земле. Соответствующий пример можно привести по другому берегу Байкала — республике Бурятия. В данном плане значим пример самого Китая: если добраться до Пекина, выясняется, что в Китае нет ни одного российского туроператора, хотя, к примеру, в соседней Японии они имеются. Иностранцы в Поднебесной не могут работать ни гидами, ни менеджерами, поскольку это лишает рабочих мест соотечественников китайских бизнесменов.

В мире нарастают тенденции, когда освоенные русскими территории Сибири и Дальнего Востока с достаточно сформированной инфраструктурой, становятся лакомым кусочком для других стран. М. Олбрайт — госсекретарь США начала 2000-х гг. известна такими высказываниями по данному вопросу: «Величайшая несправедливость, когда такими землями как Сибирь владеет одна Россия» или несколько «мягче»: «о какой мировой справедливости может идти речь, когда такая богатая территория как Сибирь принадлежит одной стране». З. Бжезинский на международном геополитическом форуме в Сиэтле в 2016 г. сказал: «Для европейцев Сибирь могла бы стать тем, чем Аляска и Калифорния, вместе взятые стали в свое время для американцев — источником огромных богатств». У западных политиков и стратегов все чаще встречается мысль, что Сибирь и Дальний Восток должны рассматриваться как «планетарные ресурсные кладовые» и иметь статус, схожий с современным статусом Антарктиды.

В середине ноября 2019 г. газета АиФ опубликовала интервью с известным немецким политологом А. Паром, кстати, позитивно относя-

щимся к России. В интервью включена обобщенная мысль: «Сибирь уходит под Азию» и дано ее конкретное пояснение. «Европейцы со времен Ивана Грозного с завистью и с большим интересом смотрели на Сибирь. Они понимают, что это потенциальная кладовая всей Европы, где есть все для ее процветания. Это ведь не только нефть и газ, но и редкоземельные металлы, минералы, чистая вода. Умные люди в Европе всегда стремились дружить с Россией, чтобы иметь доступ к этим ресурсам. А сегодня они видят, что сибирские богатства уходят под Азию, могут достаться Китаю или Японии. И азиатские страны получают огромное преимущество перед Европой. От такой перспективы у наших политиков волосы дыбом встают. Но ничего поделать они не могут. Потому что отношения с Россией сами же разрушили» [13].

Поскольку вопросы присоединения Бурятии и Забайкальского края вызвали неоднозначные мнения, «Лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований» ИГУ (далее может быть ПЭККИ) провела исследование вопроса посредством трех методов:

- а) анкетный опрос населения Бурятии и Иркутской области;
- б) контент-анализ сообщений и оценок в электронных сетях;
- в) фокус-группы в Бурятии.

Кратко остановимся на основных моментах каждого из методов. Так, в анкетном опросе удалось получить следующие данные (см. табл.)

То, что более трети респондентов считают, что от данного Указа пользы для простых людей не будет, а только для властных структур, на наш взгляд, обусловлено в основном «стремительностью» решения и его минимальной информационной проработкой. При анализе мнения двух групп респондентов: жителей Иркутской области и республики Бурятия по данному вопросу мы выявили статистически значимые различия в их мнениях по всем вариантам ответа, кроме варианта «это противопоставит жителей Иркутской области и Бурятии». Так жители Бурятии на второе место поставили проблему Байкала, который теперь оказался разделенным между двумя федеральными округами, и это может способствовать снижению эффективности мер по его защите. На третьем месте у жителей Бурятии вариант что «данные меры ничего не изменят и люди так и будут уезжать из Сибири».

Если рассмотреть позиции жителей Иркутской области, то они на первое место поставили вариант о необходимости введения аналогичных мер во всех регионах Сибири. Это неудивительно, поскольку Иркутская область так же находится в зоне риска по потере населения в связи с миграцией в западные регионы страны. И здесь люди отмечают наличие тех же проблем, что и в Бурятии. Хотя стоит отметить, что при этом есть и те, кто считает эти меры вполне действенными.

Таблица 1

Отношение респондентов из Иркутской области и Республики Бурятия к тому, что Бурятия с осени 2018 г. перешла в состав Дальневосточного федерального округа (%)

Вариант ответа	Вся выборка (N=1636)	Респонденты из Иркутской области (N=1125)	Респонденты из Бурятии (N=511)
Особой пользы для всех людей не будет, власти добьются выгод лишь для себя	33,0	26,0**	48,3**
Байкал оказался разделенным между двумя федеральными округами, и это снизит эффективность мер по его защите	28,4	25,5**	34,6**
Аналогичные льготы и преференции надо вводить во всех регионах Сибири	25,1	31,3**	11,4**
Это повысит стремление людей жить в родном краю, их местный патриотизм	19,1	22,9**	10,8**
Это разумный и своевременный шаг федеральных властей	17,6	20,9**	10,4**
Ничего не изменится, поскольку люди намерены выезжать из Сибири	16,1	14,1**	20,4**
Это противопоставит жителей Иркутской области и Бурятии	8,9	9,4	7,6
Другое мнение	2,6	1,5	5,1

Примечание: Критерий углового преобразования ϕ -Фишера: $p \leq 0,01^{**}$

Среди жителей Иркутской области таких мнений прозвучало значимо больше, чем среди жителей Бурятии.

Контент-анализ электронных сетей принес близкие результаты. Приведем наиболее характерные мнения. *«Авторы решения не в ладах с географией, экономикой и здравым смыслом. Например, теперья популярные курорты Аршан и Жемчуг в Тункинском районе Бурятии, находясь западнее Иркутска, стали Дальним Востоком. Прежде всего, у нас общая забота и общее достояние — Байкал. Отныне — и это еще один абсурд — часть озера находится в одном федеральном округе, а часть — в другом. Это, конечно, затруднит совместную природоохранныю и туристическую деятельность, да и все инициативы и программы, «завязанные» на Байкале.*

Часто звучат опасения, что «Байкальская природная территория скоро останется без леса, ведь присоединение региона к ДФО приведет к «китайской экспансии». И еще: «перевод в Дальневосточный федеральный округ предназначен для того, чтобы жители Китая приезжали сюда без визы и арендовали территорию».

Таким образом, контент-анализ, в отличие от анкетного опроса показал как высокий уровень недоверия к властным структурам из-за их поспешности, не обращенной к мнениям людей, так и определенную боязнь населения возможностями экспансии со стороны китайцев. Аналогичные тенденции наблюдались и на фокус-группе. Покажем это на примере ответов участников групп на два вопроса.

Вопрос 1. Как Вы относитесь к включению Бурятии и Забайкальского края в состав ДВФО? На этот вопрос получено много ответов «отрицательно отношусь» и «нейтрально отношусь». Главной причиной отрицательного отношения была «поспешность» и «внезапность» принятого решения, из-за которой жители оказались не готовы позитивно принять данный факт.

- Нас никто не спрашивал, и я не знаю, как к этому относиться.
- Мне понравилась эта идея — теперь нас могут и к Западу причислить, если захотят.
- Очень сильно возмущен тем, что не предупредили, а вообще отношусь нейтрально.
- По закону должен был быть референдум. Я не знаю, как бы люди проголосовали, но они хоть информацию бы получили. А так, как сделали — это вне закона, я может объединение и поддержала бы, а вот это незаконное поведение от властей — не поддерживаю.
- Нас «в темную» присоединили. Легли в Бурятии, проснулись на Востоке — потом долго так шутили!

Вопрос 11. Попытайтесь предположить, какую оценку включение Бурятии и Забайкальского края в ДВФО может получить у наших соседей — в Китае и Монголии? Может ли это сказаться на наших отношениях? Какие конкретные проблемы, касающиеся ваших интересов, Вы видите в таких отношениях (заготовка леса, продажа воды Байкала, увеличение продукции из соседних стран и т. п.)? Информация по данному вопросу получена размытая, жители не знают конкретных фактов, поэтому в ответах содержатся только их предположения.

- Китаю может и не выгодно, но они свое везде возьмут.
- А я думаю, Китаю выгодно. Они уже по Дальнему Востоку как свои ходили, теперь и Сибирь тоже спокойно оприходуют.

- Точно, в этом году туристов из Китая стало намного больше! Им стал свободный ход. Огромное количество! И в городе, и на Байкале! Такие не стесняются, мусорят.
- Монголам все равно. Они сами по себе живут. Никого не трогают. Свои дела тихо делают.
- Монголы от нас не зависят. Наоборот, захотят — нашу Селенгу вспять повернут. Им Путин не указ.

Таким образом, для общественного мнения свойственна неоднозначная оценка вхождения Бурятии и Забайкалья в ДВФО. Важно понимать в долгосрочной перспективе, что может перевесить — позитив или негатив. Кратко обобщим только проблемную часть полученной информации, связанную с «внутренней геополитикой».

- Разделение Байкала по двум федеральным округам;
- Очередное «разделение» бурятского народа;
- Сокращение традиционных связей между образовательными, научными и другими структурами;
- Сокращение традиционных связей между административными, экологическими и иными движениями и структурами;
- Сложности в связи со сменой идентичности;
- Размывание традиционного понятия «Восточная Сибирь».

Если вернуться к реалиям китайской геополитики, то стоит отметить ее основательную долговременность и этноцентричность. Известные мировые политики признают уникальность судьбы «Поднебесной» среди всех стран мира. «Китай предпринял самое длительное и сложное путешествие в истории — от древней цивилизации к классической империи, затем к коммунистическому режиму и, наконец, к современной великой державе; безусловно, этот курс окажет серьезное влияние на человечество в целом» [7, с. 286]. Тем более несомненно влияние Китая на своего соседа — Россию. Только каковым оно будет? В прошедшем десятилетии во Франции, а затем в РФ вышла книга А. Брюне и Ж.-П. Гишара «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения», главными «героями» которой являются лица из властных структур и бизнесмены КНР. Автор предисловия к книге профессор В. Шупер пишет: «Трудно надеяться, что в отношениях России и Китая не возникнет серьезных проблем. Правильно стараться их предвидеть и готовиться к ним, а не возлагать на Китай ответственность за отсутствие у нас стратегического видения наших собственных интересов и умения их разумно преследовать, за вопиющую неэффективность всей нашей государственной машины, за разложение нашей элиты» [3, с. 16]. Подтверждением возможных проблем служат и ответы респондентов на вопрос ВЦИОМ (опрос 2015 г.): «В связи с разворотом

России на Восток, есть ли вероятность того, что в ближайшие 5–10 лет случится следующее» — 44 % респондентов посчитали возможным вариант: «Население Дальнего Востока и Сибири будет вытеснено приезжими из Китая, Кореи и других стран Азии», а 47 % посчитали вариант невозможным. В нашем исследовании студентов Байкальского региона (2018 г.) на суждение-вопрос: «Для нашего соседа — Китая явно наступило время для мощного рывка вперед. Как Вы считаете, отразится ли это на нашем регионе?» были получены следующие ответы (N = 660):

1. Население Сибири и Дальнего Востока будет вытесняться китайскими мигрантами — 42,9 %;
2. Китай будет заинтересован экономически развивать Сибирь и Дальний Восток — 36,4 %;
3. Если мы возьмем на вооружение патриотизм китайцев, то ускорим свое развитие — 18,8 %.

Определенное сходство результатов двух исследований — российского и регионального — говорит о том, что данный вопрос надо постоянно держать в поле зрения. И хочется заострить вопрос на двух моментах. Во-первых, молодежь как можно более эффективно нужно готовить к пониманию ситуации, к конкретным случаям «проникновения» китайских позиций и действий в нашу жизнь и идеологию. Во-вторых, необходимо делать не только все возможное для закрепления молодежи в Сибирском и Дальне-Восточном регионах, но и формировать у них реальные патриотические чувства, любовь к малой и большой родине, ответственность за их будущее. Как бы это пафосно ни звучало, Сибирь и Дальний Восток **обречены на патриотизм**.

Сегодня трудно определить, какую стратегию и тактику в геополитике может избрать Китай для взаимодействия с сибирскими народами-соседами, чтобы добиться своих целей. Можно вспомнить, что еще на стыке старой и новой эры некий китайский чиновник предложил «пять приманок», с помощью которых необходимо управлять «северными дикими племенами»: «Нужно оделить их... приличным платьем и повозками, дабы соблазнить взоры; накормить их отличными яствами, дабы соблазнить уста; пусть звучит музыка и щебечут женщины, дабы соблазнить слух; нужно построить для них высокие дома и амбары и дать им рабов, дабы соблазнить чрево... а тем, кто придет поклониться, император выкажет милость, встретит их достойным приемом в своем дворце и сам станет подавать им пищу и вино, дабы соблазнить разум. Вот таковы пять приманок». Г. Киссинджер, приведший это наставление, отметил следующее: «На протяжении тысячелетий Китай чаще хитрил и искушал противников, чем пытался победить их оружием» [7, с. 288–289]. Комментарии, как говорится, излишни.

Список использованной литературы и источников

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года / В. К. Андриевич. — Москва : Вече, 2013. — 288 с.
2. Арсеньев В. Китайцы в Уссурийском крае. В страну будущего / В. Арсеньев, Ф. Нансен. — Москва : Крифт, 2004. — 352 с.
3. Брюне А. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения / А. Брюне, Ж.-П. Гишар. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 232 с.
4. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: Как китайские потребители меняют правила игры / К. Герт. — Москва : ООО «Юнайтед Пресс», 2011. — 271 с.
5. Карнышев А. Д. Байкал: природа и люди малой родины / А. Д. Карнышев. — Иркутск : изд-во ИГУ, 2018. — 348 с.
6. Карнышев А. Д. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в Байкальском регионе / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2019. — Т. 30. — С. 75–85.
7. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. — Москва : АСТ, 2019. — 544 с.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Академия наук СССР, 1937. — 607 с.
9. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — Москва : Мысль, 1984. — 653 с.
10. Планета земля: будущее. — Санкт-Петербург : Амфора, 2008. — 319 с.
11. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — 2-е изд. — Москва : Рос. полит. энцикл., 1993. — 736 с.
12. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая / Н. Спафарий. — Чита : Экспресс-издательство, 2009. — 180 с.
13. Цепляев В. Александр Рар: у кого Россия вызывает симпатию, а у кого — истерику / В. Цепляев // Аргументы и факты. — 2019. — 13 нояб.
14. Цыбикдоржиев В. Б. Путь предков (Грамота-указ Петра Великого от 22 марта 1703 г.) / В. Б. Цыбикдоржиев. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2014. — 192 с.

Информация об авторе

Карнышев Александр Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: ale3441@yandex.ru.

Author

Alexander D. Karnyshev — the doctor of psychological Sciences, Professor, Irkutsk state University, Karl Marx street, 3, Irkutsk, 664003, e-mail: ale3441@yandex.ru.